

ЛІТЕРАТУРА

1. Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис / О. Воропай. – Мюнхен: «Українське видавництво», 1958. – 308 с.
2. Гунчик І. Український магічно-сакральний фольклор: структура тексту та особливості функціонування: монографія / І. Гунчик. – Львів: ЛНУ ім. Франка, 2011. – 232 с.
3. Колесса Ф. М. Українська усна словесність / Ф. М. Колесса. – Львів: Друкарня наукового товариства ім. Шевченка, 1938. – 643 с.
4. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих Славян / А. О. Котляревский. – Москва: 1868. – 252 с.
5. Свиридов О. Ф. Символіка замовлянь у східнослов'янському і британському магічному фольклорі: автореф. дис. канд. філ. наук (10.02.15) / Свиридов Олександр Федорович; ОНУ ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 1996. – 16 с.
6. Темченко А. І. Українські лікувальні замовляння: вербально-акціональні універсалії, символіка і семантика: автореф. дис. канд. іст. наук (07.00.05) / Темченко Андрій Іванович; Національна академія наук України, ІМФЕ ім. М.Т. Рильського. – Київ, 2003. – 24 с.

О.В. Пурицхванидзе,

кандидат философских наук, доцент,

Одесская национальная академия пищевых технологий,

г. Одесса, Украина

РЕАЛЬНОСТЬ СМЕРТИ В РЕАЛЬНОСТИ МЕДИА

Вопрос о смерти без преувеличения можно отнести к числу вечных философских вопросов. «Смерть, – писал А. Шопенгауэр, – это поистине гений-вдохновитель, или музагет философии...» [1, с. 477]. Зураб Мамардашвили видел в ней фактор, конституирующий человеческую личность и сознание. А японская пословица говорит, что человеком и готовым к познанию мира ты становишься лишь тогда, когда впервые задаешься вопросом о смерти.

Вопрошание о смерти, перспектива небытия делает человека человеком, его жизненную практику крайне осмысленной. Вполне оправданным является утверждение В. В. Варавы о том, что проблема смерти, вопросы связанные с ней периодически становятся центром исследования различных дисциплин. Более того, конец XX – начало XXI столетия можно охарактеризовать как «танатологический ренессанс», как определенную компенсацию идеологического табу на осмысление вопросов и тем, связанных со смертью [2]. Ее исследования носят различный характер. От темы смерти в духовном опыте человечества, смерти и бессмертия до темы социокультурного контекста танатологии. Исследования философских аспектов смерти разрабатывались в работах Н. Н. Трубникова, М. Мамардашвили, И. Т. Фролова, П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдова, П. С. Гуревича и других. Здесь можно выделить различные подходы к проблеме смерти. Это, например, стратегия сциентистского скепсиса, характерная скорее для материалистически ориентированной философии, и рассматривающая смерть как закономерное и естественное завершение жизни. Что же касается бессмертия, то сама мысль о нем объявляется как бесплодная и вредная иллюзия. Другая стратегия основывается на абсолютной вере в науку, которая со временем решит данную проблему, и вопрос о бессмертии встанет на повестке дня. Речь в данном случае идет об уверенности в научно-техническом устранении смерти. Иной подход к означенной проблеме находим в работах Г. С. Батищева, где он демонстрирует глубокую философскую рефлексию проблемы духовной смерти. «Никому себя не адресуя, человек отсутствует также и внутри самого себя. И все больше умерщвляет себя душевно и духовно – при физической видимости жизни» [3, с. 123]. Подобный подход находим у З. Мамардашвили, Д. А. Леонтьева. Вопросы связанные с проблемой значимости смерти, неустранимости ее из горизонта человеческой рефлексии сегодня активно разрабатываются С. С. Неретиной, В. А. Кутыревым, П. В. Калитиным, Л. Е. Балашовым, В. М. Розиным, В. Подорогой, Б. В. Марковым, М. С. Уваровым, В. Захаровым, Т. В. Мордовцевой.

Актуальный ныне постмодернистский дискурс проблемы смерти связан с основополагающими постмодернистскими установками – ниспровержения «больших идеологий»

как «тоталитарных стратегий разума». И здесь вполне можно согласиться с мыслью В. В. Варавы, что «... это ниспровержение, как правило, оборачивается разрушением всяческих смыслов, на руинах которых манифестируется смерть как «голый» аргумент абсурда, вне каких-либо философских и нравственных осмыслений. Постмодернистская эксплуатация темы смерти, внеморальная эстетизация смерти способна приобретать некрофильские формы и соответствующие некропрактики. Это имеет деструктивный эффект и в итоге профанирует метафизический смысл человеческой конечности» [2, с. 4]. Другой стороной этого процесса, есть полнейший отказ от размышлений о смерти. Так Ю. В. Хен, полагает, что «время, когда мы могли безнаказанно предаваться своим некротическим наклонностям, близится к концу. И если идеи биофилии, давно разрабатываемые различными гуманистическими учениями, не получают реальной поддержки, то скорее всего, у человечества не будет будущего» [4]. Более того, автор этой идеи настаивает, что сегодня назрела реальная необходимость в смене общекультурной ориентации с некротической на биофильную, основанную на представлении о безусловной ценности жизни. То есть, по мысли Ю. В. Хен и философские размышления о смерти бессмысленны, поскольку не вписываются в современную общекультурную ориентацию. Таким образом, сегодня мы подошли к рубежу отказа от поиска «мифического» смысла жизни, определяемого в конечном счете смертью. К сожалению, налицо постепенная утрата пафоса смысложизненного основания вопрошаний о смерти и предназначения человека.

Смерть как феномен человеческого бытия всевозможными способами выталкивается за его пределы. Причин здесь много и одной из них есть та, что современная постмодернистская культура не терпит смерти в ее онтологическом проявлении, ее фундаментальной включенности в человеческое бытие. Кроме того срабатывает неэффективный механизм психологической защиты, когда человек умышленно забывает о смерти. И, наконец, современная эпоха – эпоха господства медиа и утверждения новой реальности – реальности медиа нивелирует смерть, устраняет ее из личного бытия человека. В условиях повсеместного проникновения в жизнь устройств для приобретения, сохранения и передачи информации, происходит десакрализация смерти. СМИ, каждодневно вбрасывая в сознание людей гигантские порции "смертельной" информации, узаконивают бездушное восприятие смерти, приучают массового потребителя воспринимать смерть как некую норму» [5]. Смерть в новостях, на экране, в кино в конечном счете срежиссирована, смонтирована по канонам жанра. А потому всегда случается с отчужденными другими и легко «усваивается». Такая смерть перестает быть событием, моим событием, а находится в ряду других заготовок медиареальности. «В конце концов, все это происходит в «ящике», который захочу – включу, захочу – выключу. Наверное, это создает иллюзию управляемости жизнью». Что же касается Сети Интернет, то здесь ситуация еще более усугубляется, поскольку о смерти пусть и анонимно, но можно говорить плохо. Она постепенно становится ходовым товаром, особенно смерть известных людей. А «...пытаясь многократными повторами и укрупнениями утвердить реальность смерти, камера превращает ее в симулякр, в чистую видимость» [6].

Сегодня в культуре сложилась ситуация, о которой еще в 70-е годы говорил Ж. Бодрийяр, а именно, что капиталистическое общество вычеркивает смерть, изгоняет ее за пределы социума. Она становится явлением неприличным. Это частное, личное дело, о котором не может быть речи на уровне общественно значимого звучания.

И все же будучи маргинализованной в повседневности человеческого существования смерть остается предметом пристального внимания со стороны философов и культурологов.

Эпоха господства медиа, на наш взгляд, задает новое понимание смерти. На первый взгляд может показаться, что исследования проводимые в рамках медиафилософии показывают полнейшее отрицание смерти в новой культурной реальности, реальности господства медиа. Хотя обратным эффектом этих исследований как раз и становится то, что происходит глубокое осознание негативных последствий «изъятия» смерти из бытия человека.

Сама медиафилософия, которая имеет свои корни в размышлениях Ж. Бодрийяра, Н. Лумана, и др. основывается на положении о том, что «информационная революция создает принципиально иную реальность, связанную с феноменами виртуальности и символического отображения» [7]. Это такая реальность, которая претендует на качественно новые характеристики и масштабы, она обретает статус «третьей природы», наряду с первой и второй, которая есть результатом человеческой деятельности. «...сама реальность полностью схвачена в виртуальные образы, в выдуманный мир» [8, с. 351]. В таком мире смерть теряет свой сакральный, метафизический смысл, превращается в один из симулякров, виды которых различал в свое время Ж. Бодрийяр [9]. Это, во-

первых, символ, отражающий сущностную характеристику реальности; во-вторых, символ, маскирующий и искажающий сущность реальности; в-третьих, символ, скрывающий отсутствие сущности реальности; в-четвертых, символ не соотносящийся с реальностью вообще, представляющий лишь подобие или видимость чего-либо. На наш взгляд, смерть в медиапространстве может нести в себе характеристики всех означенных видов симулякров. Более того, этому в большой мере способствует то, что опыта смерти как такового у нас быть не может. С. С. Хоружий по этому поводу пишет, что смерть не может обрести в сознании облик определенного четко очерченного предмета, поскольку в самом субъективном опыте человека его собственная смерть не присутствует. Более того, в своем обыденном существовании человек уклоняется от размышлений о смерти, само сознание вытесняет, маргинализирует ее. Но, по-видимому, именно это делает саму смерть предметом философской рефлексии, особенно в условиях ее десакрализации, тотального устранения из контекста человеческого бытия. Философская же рефлексия смерти демонстрирует ее фундаментальную непостижимость. И хотя философский позитивный дискурс о смерти в строгом смысле, как полагает В. В. Варава, невозможен, поскольку мы можем говорить только о том, чем смерть не является, «...философ, на долю которого выпадает незавидная участь быть единственным «профессионалом» в царстве Танатоса (ибо еще Платон учил, что философия есть приготовление к смерти и умирание), отличается от простого «смертного» не тем, что ведает тайной смерти, не доступной другим, но тем, что не отгораживается от смерти железобетонной стеной повседневной рутины, а прямо и всерьез пытается осмыслить и понять ее. И хотя результатами здесь вряд ли можно похвастать, философ не может поступать иначе [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; [пер. с нем. Ю. Айхенвальда]. – М. : Харвест, 2011. – 848 с.
2. Варава В. В. Смерть как проблема нравственной философии: автореф. дисс. д-ра филос. наук / Варава В. В.; Тульский государственный пед. университет. – Тула, 2005. – 40 с.
3. Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения / Г. С. Батищев // Вопросы философии, 1995. – № 3. – С.123–134.
4. Хен Ю. В. Биофилия и проблема смерти / Ю. В. Хен // Биофилософия. – М. : ИФРАН, 1997. – С. 241–251.
5. Варава В. В. Глубочайшая странность жизни (Размышления над книгой В. Янкелевича «Смерть») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pereplet.ru.
6. Ним Е. Г. Десакрализация смерти на телеэкране [Электронный ресурс]: материалы междунар. конф. «Медиафилософия. Границы дисциплины» Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/24.pdf
7. Панферова В. В. Зверева Ю. И. Медиафилософия: проблемное поле исследования [Электронный ресурс]: материалы междунар. конф. «Медиафилософия. Границы дисциплины» Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/24.pdf
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Кастельс Мануэль; [пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]. – М., 2000. – 458 с.
9. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // Художественный журнал. – 1994. – с № 3.

Е. Разумова,

студентка Киевского университета имени Б. Гринченко,

г. Киев, Украина

*Руководитель: доктор искусствоведения,
профессор Ю.В. Романенкова*

РИСОВАНИЕ С ФОТОГРАФИИ – БЕССМЫСЛЕННОЕ КОПИРОВАНИЕ ИЛИ «ВЫНУЖДЕННОСТЬ» ВЕКА?

В наш информационный век большой популярностью пользуется тенденция фиксировать основные события жизни на фотоснимках. Прошло уже почти 200 лет с появления первого снимка, сделанного с помощью камеры-обскуры.